

УДК 159.9

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРЕВОГА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА У ИНДОНЕЗИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Дана Рикса Буана^{1, 2}, О. В. Лукьянов¹

¹ Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

² Университет Мерчу Буана, Индонезия, 11650, Джакарта, Кембанган, Южная Меруя

Резюме

Актуальность и объект исследования. В современном мире меняется система управления большими социальными процессами. Опасной социальной тенденцией так называемого «информационного общества» является манипулирование идентичностью, в том числе религиозной. Актуальны вопросы: Что отличает аутентичную религиозную идентичность от экстремистской? Какие качества религиозности необходимы и достаточны для понимания религиозности? В статье представлены результаты исследования религиозной идентичности индонезийских мусульман. **Предмет, методы и материалы исследования.** Собраны данные от 484 индонезийских мусульман с целью подтвердить, что экзистенциальная тревога играет роль медиаторной переменной в отрицательной корреляции между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом. Опрос проводился с помощью Google forms. Был проведен медиационный регрессионный анализ. Для сбора данных использованы три методики: шкала аутентичной религиозной идентичности, шкала экзистенциальной тревожности и шкала религиозного экстремизма. При тестировании надежности и валидности этих шкал использовались программы SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) и JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program). **Результаты.** Исследование показало, что аутентичная религиозная идентичность имеет отрицательную связь с экзистенциальной тревогой, а экзистенциальная тревожность положительно связана с религиозным экстремизмом. Можно предполагать, что аутентичная религиозная идентичность позволяет преодолевать экзистенциальную тревогу, формируя социальную тенденцию снижения риска развития религиозного экстремизма. Если экзистенциальная тревога не включена в исследовательскую модель, то корреляция между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом имеет положительное значение. Это означает, что без учета экзистенциальной тревоги невозможно отличить аутентичную религиозность от экстремистской. Исследование также показало, что аутентичная религиозность не может полностью снять риск развития экстремистских убеждений. Необходимо учитывать фактор фаворитизма. Также в эмпирических исследованиях следует различать феномены духовности и религиозности.

Ключевые слова: внутригрупповой фаворитизм; ритуал; истина; духовность; свобода; повседневность; аутентичность

Введение

Общечеловеческим способом переживания экзистенциальной тревоги, несмотря на развитие науки и образования, по-прежнему остается формирование религиозной идентичности – отождествление человеком своего присутствия в мире с догматикой и языком проверенных вечностью источников. Но в современном обществе стремление к религиозной идентичности связано с риском формирования определенного рода противоположности аутентичной религиозности – религиозного экстремизма. Одним из существенных психологических отличий аутентичной религиозности от религиозного экстремизма является то, что экстремизм не способствует принятию и проживанию экзистенциальной тревоги, а, напротив, ее обостряет. Данное исследование посвящено эмпирическому уточнению этой гипотезы на примере мусульман Индонезии.

Противоречие между тенденцией возрастания риска религиозного экстремизма и стремлением к религиозной идентичности в наше время приобретает характер глобальной проблемы, катализируемой новыми (сетевыми) технологиями и индустриями СМИ. Религия, переживаемая в аутентичной форме, позволяет преодолеть экзистенциальную тревогу – неизбежное напряжение, вызванное столкновением индивида с экзистенциальными данностями и драмой бытия. В неаутентичных формах переживания религия является формой личностного и социального расстройства и, как любые личностные расстройства, не решает проблему (проблему экзистенциальной тревоги), а камуфлирует ее или извращает.

Эта дилемма хорошо представлена на литературно-художественном, философском, богословском, теоретическом уровнях, но в эмпирических исследованиях роль экзистенциальной тревоги часто не учитывается.

Цель исследования. В данном исследовании посредством опроса были собраны данные от 484 индонезийских мусульман с целью подтвердить гипотезу о том, что экзистенциальная тревога играет роль медиаторной переменной в отрицательной корреляции между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом. Анализ полученных данных показал, что если экзистенциальная тревога не включена в исследовательскую модель, то на уровне эмпирических свидетельств (нарративов (высказываний), ожиданий и отношений) аутентичная религиозная идентичность ничем не отличается от религиозной идентичности вообще, в том числе не идентифицируется и религиозный экстремизм. Важным фактором, объясняющим различия аутентичной религиозности и религиозного экстремизма, является в том числе внутригрупповой фаворитизм. Результаты подтвердили, что риск формирования религиозного экстремизма у мусульман сохраняется в процессе понимания индивидом сущностей религиозных учений, ритуалов, стремления понять истину, испытать духовные и трансцендентные переживания. То есть мотивация к аутентичной религиозности не освобождает от риска формирования религиозного экстремизма.

По данным исследовательского центра Pew Research Center¹ (2015), Индонезия является самой густонаселенной страной мусульманского большинства в мире (численность населения достигает 253 млн человек, почти 90% – мусульмане). При этом Индонезия не является страной, основанной на исламском праве, как Малайзия, Саудовская Аравия, Пакистан или другие страны мусульманского большинства, особенно на Ближнем Востоке. Индонезия имеет свою государственную философию, где первый моральный принцип – принцип веры (не только для ислама, но и для индуизма, католицизма, христианства, буддизма и других традиционных религий).

Большая часть общества в Индонезии в своей повседневной жизни придерживается ценностей ислама (*sharia*), при этом уважаются другие конфессии и отмечается терпимое отношение к людям иных религиозных убеждений. Можно сказать, что мусульмане в Индонезии поддерживают разнообразие религиозных канонов. Кроме того, мусульманская община в Индонезии имеет уникальную идентичность и отличается от мусульманских общин в других странах с мусульманским большинством, на что указывает термин *Islam Nusantara* (архипелаг). *Islam Nusantara* – это взаимовлияние ценностей теологического ислама и местных традиций, культуры и обычаев. Примерами специфических особенностей мусульманской идентичности Нусантары являются паломничество к гробницам святых и молитва в знак уважения к ним, ритуалы прощания с умершими (например, когда кто-то умирает, семья, родственники и друзья собираются вместе в доме умершего и молятся за него), проповедь исламских учений с музыкой, традиция возвращения в родной город во время Ид-аль-фитр и т.д. (Astuti, 2018). Мусульманская идентичность в Индонезии является концепцией и религиозной, и культурной.

Идентичность – это способ понимания индивидом самого себя в поддержании стабильности в изменяющемся мире, способность находить смысл через приверженность, ценность и цель и способность распознавать собственный потенциал, основанный на прошлом, настоящем и будущем (Лукьянов, 2007), в то время как религиозные концепции – это поведение и убеждения, связанные с организованными религиозными институтами (Good, 2011). Религиозную идентичность можно определить как систему организации, понимания, переживания, табуирования психологических, политических, духовных, бытовых аспектов жизни посредством идентификации с религиозным культом (Jackson, Hogg, 2010).

Религиозная идентичность предлагает своим последователям священное мировоззрение, вечное членство в группе и абсолютную истину. Она может помочь людям быть уверенными в неопределенном мире, уменьшить неопределенность и растерянность, повысить самооценку и обеспечить сильную социальную поддержку (Ysseldyk, Matheson, Anisman, 2010; Hogg, Adelman, Blagg, 2010).

¹ Pew Research Center (Religion & Public Life) (2015). *10 Countries with the Largest Muslim Populations, 2010 and 2050*. URL: https://www.pewforum.org/2015/04/02/muslims/pf_15-04-02_projectionstables74/ (accessed: 23.09.2020).

Неопределенность в современном мире сильно влияет на индивидуальное восприятие жизни. Человек может испытывать не устранимые посредством объективных действий стресс и тревогу, чувствовать себя беспомощным и не контролирующим свой мир (Hogg et al., 2010). Чувство неопределенности в себе и мире можно рассматривать как признак или форму переживания экзистенциальной тревоги. Сама категория экзистенциальной тревоги определяется как тревога, возникающая тогда, когда кто-то ставит вопрос о смысле, выборе и свободе в своей жизни, но не может справиться с этим (Леонтьев, 2003; Лукьянов, 2008; Peterson, 2015; Weems, Russell, Neill, Berman, Scott, 2016). И неопределенность, и экзистенциальная тревога в реальном мире неизбежны и необходимы. Тем не менее люди стремятся уменьшить интенсивность их переживания, и лучший способ этого – отождествление себя с группой, особенно с группой, представляющей целостность высокого уровня, более высокий порядок организации (Hogg et al., 2010). Человек, отождествляющий себя с религиозной группой, может обрести чувство стабильности, потому что религия предлагает вечную принадлежность, абсолютную истину, вечные ориентиры и перспективы, уменьшает экзистенциальную тревогу (Kinnvall, 2004).

Однако религиозная идентичность может переживаться с тенденцией к радикализации и экстремизму вследствие религиозного рвения и стремления преодоления личной неопределенности (McGregor, 2004). Под экстремизмом принято понимать стремление, психологическое усилие индивида, направленные на достижение социальной цели особого типа способами, ядром которых является насилие (Davydov, Khlomov, 2017). Заметим, что так называемые «экстремисты» вовсе не являются обманутыми, «закодированными» жертвами злоумышленников-демагогов. Экстремисты – инициативники, т.е. люди, которые по своей инициативе встают на этот путь, что делает проблему изучения религиозной идентичности психологически не простой и многомерной.

Для ясного понимания экстремизма необходимо прояснить и другие подобные понятия, поскольку во многих научных публикациях термины «экстремизм», «радикализм», «фундаментализм» и «терроризм» используются как синонимы. Радикализм связан с терроризмом (стремлением насаждать свою религию), в то время как фундаментализм в большей степени связан с патриотизмом – это то, как человек чувствует свою принадлежность к религии и считает, что его вера является самой правильной, и он готов ее защищать (Buana, Lukyanov, 2020). Экстремизм является более точным понятием для объяснения насильственного религиозного поведения и в том и в другом отношении.

Индонезийская мусульманская община выступает за терпимость и умеренность, но отмечается риск растущего экстремизма¹, что сопровождается

¹ International NGO Forum on Indonesian Development (INFID) (2018). *Pencegahan Ekstremisme di Indonesia: Solusi Tidak Boleh Abai dengan Prinsip HAM dan Demokrasi* [Prevention of Extremism in Indonesia: A Solution Should Not Be Ignored by the Principles of Human Rights and Democracy]. URL: <http://www.infid.org/publication/read/pencegahan-ekstremisme-di-indonesia-solusi-tidak-boleh-abai-dengan-prinsip-ham-dan-demokrasi> (accessed: 24.09.2020).

редукцией религиозных осознаний и пониманий. D. Ratnasari (2010) утверждает, что экстремисты особым образом интерпретируют символы, делая акцент на самих религиозных символах в большей степени, чем на их сущности.

Насильственное поведение не вытекает автоматически из сущностной функции религии, ее роли проводника в жизни, помощника в трудностях, внутреннего спокойствия и морального контроля (Asir, 2014). Исследования, проведенные Н.С. Haryanto (2017) в индонезийских мусульманских общинах, доказывают, что религия может помочь найти правильное направление жизни, обеспечить мир, избежать плохого поведения и повысить терпимость.

Почему возникает это противоречие? Исследователи считают, что религиозная идентичность, связанная с неопределенностью и экстремизмом, все еще видится только в общих чертах и должна исследоваться более глубоко, поэтому мы предлагаем категорию аутентичной религиозной идентичности для объяснения возникающей аномалии.

Как противоположность аутентичной религиозности можно рассматривать подражательную религиозность, когда религия утратила свою духовную основу. Для субъектов, имитирующих религиозную практику, религия – это только традиция, ритуальные действия, без понимания сути, истины и так называемая «слепая» вера в истину религиозных авторитетов. Последствия подражательной религии делают людей не склонными критически мыслить, стимулируют предрассудки, ненависть и насилие (Langness, 2015). Аутентичная же религиозная идентичность – это отождествление себя с определенной религией, чтобы иметь возможность понять суть и религиозных учений, и жизни, суть истины ритуала и ситуации, своего присутствия в мире, понять универсальную истину и испытать трансцендентальные или духовные чувства (Montemaggi, 2017).

Мы предположили, что в данное время существуют:

- значительная отрицательная корреляция между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и религиозным экстремизмом;
- значительная отрицательная связь между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и экзистенциальной тревожностью;
- значительная положительная связь между экзистенциальной тревожностью и религиозным экстремизмом.

Это и послужило основой для гипотез при сборе эмпирических данных и их анализе.

Материалы и методы исследования

Выборка. Респондентами стали 484 добровольца из числа индонезийских мусульман. К ним обращались с просьбой принять участие в исследовании и разрешить использовать полученные данные. Информация собиралась с помощью Google forms.

Выборка по полу, возрасту и образованию получилась несбалансированной. Структура выборки представлена в табл. 1–4.

Таблица 1

Структура выборки респондентов по полу

Пол	Количество респондентов	Доля в общем объеме, %
Женский	320	66,12
Мужской	164	33,88
Итого	484	100,00

Таблица 2

Структура выборки по возрастам

Возраст	Количество респондентов	Доля в общем объеме, %
18–40 лет	414	85,54
41–60 лет	67	13,84
Старше 61 года	3	0,62
Итого	484	100,00

Таблица 3

Структура выборки по образованию

Образование	Количество респондентов	Доля в общем объеме, %
Средняя школа	102	21,07
Ассоциированная степень	33	6,82
Бакалавриат	259	53,51
Магистерская степень	84	17,36
Докторская степень	6	1,24
Итого	484	100,00

Таблица 4

Структура выборки по источнику исламской идентичности

Форма вовлеченности в ислам	Количество	Доля в общем объеме, %
Новообращенный	3	0,62
По происхождению	481	99,38
Итого	484	100,00

Для определения роли экзистенциальной тревожности во взаимосвязи между аутентичной религиозной идентичностью (переменная X) и религиозным экстремизмом (переменная Y) был проведен медиационный регрессионный анализ. Промежуточной переменной (M) являлась экзистенциальная тревога. Для обработки результатов использовалась программа JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program).

Методы. Для получения эмпирических данных были использованы три методики: шкала аутентичной религиозной идентичности, шкала экзистенциальной тревожности и шкала религиозного экстремизма. Опросники предлагались на индонезийском языке. При тестировании надежности и валидности этих шкал использовались программы SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) и JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program).

Аутентичная религиозная (мусульманская) идентичность

Для измерения аутентичной религиозной (мусульманской) идентичности была использована шкала мусульманской групповой идентификации M. Verkuyten (2007) – Muslim Group Identification of Verkuyten. В пунктах шкалы были предложены варианты ответов: «полностью согласен (6)», «согласен (5)», «скорее согласен (4)», «скорее не согласен (3)», «не согласен (2)» и «полностью не согласен (1)».

Шкала состоит из восьми вопросов и имеет хорошую надежность ($\alpha = 0,861$). Валидность шкалы проверялась конфирматорным факторным анализом (confirmatory factor analysis; CFA). Результаты CFA переменной аутентичной религиозной (мусульманской) идентичности: RMSEA 0,072; GFI 0,966; MFI 0,950; CFI 0,965; RFI 0,932; и χ^2 : 69,678. Это означает, что шкала подходит для измерения.

Чтобы определить качество вопросов, оценивались факторные нагрузки (factor loadings) каждого вопроса (таблице 5).

Таблица 5

Факторные нагрузки утверждений переменной аутентичной религиозной (мусульманской) идентичности

Утверждения ¹	Факторные нагрузки
Будучи мусульманином, я понял универсальную истину	0,676**
Будучи мусульманином, я понял значение благочестия	0,675**
Благодаря своей мусульманской идентичности я понимаю духовные явления (Божественность)	0,615**
Благодаря своей мусульманской идентичности я понимаю путь к Богу или истине	0,741**
Я могу понимать цель жизни благодаря своей мусульманской идентичности	0,720**
Будучи мусульманином, я могу понимать значение духовности	0,633**
Я мусульманин, поэтому я изучаю исламские учения более глубоко	0,665**
Я мусульманин, поэтому должен понимать смысл поклонения	0,647**
<i>Примечание.</i> ** – $p < 0,01$	

Все утверждения показали хорошее качество – факторные нагрузки более 0,5.

Экзистенциальная тревога

Для измерения экзистенциальной тревоги была использована шкала общей экзистенциальной тревожности опросника экзистенциальных проблем (General Existential Anxiety scale of the Existential Concerns Questionnaire; ECQ) (van Bruggen et al., 2017). Утверждения шкалы предлагалось оценить в форме: «полностью согласен (6)», «согласен (5)», «скорее согласен (4)», «скорее не согласен (3)», «не согласен (2)» и «полностью не согласен (1)».

¹ Формулировки представлены в переводе на русский язык. Респондентам предлагался вариант на индонезийском языке

Шкала состоит из 13 утверждений. Надежность шкалы высокая ($\alpha = 0,934$). Метод проверки валидности – конфирматорный факторный анализ. Результаты CFA переменной экзистенциальной тревожности: RMSEA 0,042; GFI 0,992; MFI 0,944; CFI 0,994; RFI 0,985; и χ^2 : 121,136. Это означает, что инструмент подходит для измерения переменной в данном исследовании.

Факторные нагрузки всех утверждений представлены табл. 6.

Таблица 6

Факторные нагрузки утверждений опросника экзистенциальной тревожности

Утверждения	Факторные нагрузки
Вопрос о том, имеет ли жизнь смысл, вызывает у меня тревогу	0,702**
Меня пугает, когда я понимаю, как много вариантов предлагает жизнь	0,775**
Я беспокоюсь о том, чтобы не быть дома в этом мире, как будто я не принадлежу ему	0,645**
Жизнь кажется мне угрожающей, как будто в любой момент со мной может случиться что-то ужасное	0,773**
Я беспокоюсь о смысле жизни	0,832**
Я волнуюсь, потому что теряю связь с самим собой	0,749**
Я борюсь с чувством, что в конце концов я сам по себе в жизни	0,773**
Я беспокоюсь о том, что не живу той жизнью, которую я мог бы прожить	0,771**
Осознание того, что другие люди никогда не узнают меня на самом глубоком уровне, пугает меня	0,753**
Меня пугает, что вещи, которые я когда-то считал важными, кажутся бессмысленными, когда я оглядываюсь назад	0,711**
Я боюсь, что не получу от жизни того, что в ней есть	0,613**
У меня есть тревожное чувство, что между мной и другими людьми существует пропасть	0,589**
Я боюсь, что никогда не узнаю себя на самом глубоком уровне	0,716**
Примечание. ** – $p < 0,01$	

Все утверждения имеют факторную нагрузку более 0,5.

Религиозный экстремизм

Для сбора данных о религиозном экстремизме использовалась шкала насилия и экстремизма религиозной власти из опросника убеждений насильственного экстремизма (Violent Extremism Beliefs Scale; VEBS) (Peracha, 2017). Утверждения предлагалось оценить в форме: «полностью согласен (6)», «согласен (5)», «скорее согласен (4)», «скорее не согласен (3)», «не согласен (2)» и «полностью не согласен (1)».

Шкала состоит из девяти утверждений и обладает достаточно высокой надежностью ($\alpha = 0,731$). Метод, используемый для проверки валидности, – конфирматорный факторный анализ. Результат конфирматорного факторного анализа переменной экзистенциальной тревожности: RMSEA 0,055; GFI 0,976; MFI 0,960; CFI 0,953; RFI 0,900; и χ^2 : 66,680. Это означает, что шкала подходит для измерения переменной в данном исследовании. Факторные нагрузки отдельных утверждений представлены в табл. 7.

Таблица 7

Факторные нагрузки утверждений переменного религиозного экстремизма

Утверждения	Факторные нагрузки
Применение силы к людям для понимания вашей точки зрения в религии – это нормально	0,306**
Это правильно – иметь контроль над жизнью других людей во имя религии	0,364**
Нужно идти на все, чтобы обратить других людей в свою веру	0,400**
Нет ничего плохого в том, чтобы в какой-то мере приобрести власть для развития религии	0,408**
Я чувствую себя неуютно в тесном контакте с людьми, которые отличаются от моих убеждений	0,446**
Я провожу время в молитве, а не в заботе о правах других	0,511**
Медресе (<i>Madrasah</i>) лучше по сравнению с общеобразовательными школами	0,620**
Важна только жизнь после смерти	0,616**
Все, что говорят религиозные ученые, должно быть обязательным для следования	0,588**
<i>Примечание.</i> ** – $p < 0,01$	

Некоторые утверждения имеют факторную нагрузку от ниже 0,5, но считается, что если нагрузка выше 0,3, то оценку утверждений можно использовать.

Результаты исследования

Аутентичная религиозная (мусульманская) идентичность

Среднее значение оценок аутентичной мусульманской идентичности составляет 28 ($SD = 6,67$), минимальное ($X_{\min}$) – 8, максимальное ($X_{\max}$) – 48. Почти все респонденты – 474 (97,9%) – относятся к группе с высокой степенью аутентичной мусульманской идентичности, только 10 (2,1%) характеризуются средней степенью. Респондентов с низкой степенью аутентичной религиозной идентичности нет.

Экзистенциальная тревога

Среднее значение экзистенциальной тревоги составляет 45,5 ($SD = 10,83$), минимальное ($X_{\min}$) – 13, максимальное ($X_{\max}$) – 78. Большинство респондентов характеризуются низкой и умеренной степенью экзистенциальной тревоги: 218 человек (45%) – низкой, 202 (41,7%) – умеренной. 64 респондента (13,2%) имеют высокую степень экзистенциальной тревоги.

Религиозный экстремизм

Среднее значение по религиозному экстремизму равно 31,5 ($SD = 7,5$), минимальное ($X_{\min}$) – 9, максимальное ($X_{\max}$) – 54. При этом 374 респондента (77,3%) показывают низкие значения, 110 человек (22,7%) – умеренные. Никто из опрошенных не проявил высокой степени религиозного экстремизма.

По результатам регрессионного анализа можно утверждать, что экзистенциальная тревога выступает в качестве медиатора во взаимосвязи

аутентичной религиозной идентичности и религиозного экстремизма, при этом прямая связь между двумя переменными составила 0,081 (табл. 8).

Таблица 8

Результаты регрессионного анализа

Эффект	Стандартизированные коэффициенты (β)	Стандартная ошибка (SE)	p-value
Прямой эффект (ARI $\rightarrow$ RE)	0,081	0,012	< 0,01
Косвенный эффект (ARI $\rightarrow$ EA $\rightarrow$ RE)	-0,023	0,005	< 0,01
Общий эффект (ARI $\rightarrow$ RE)	0,057	0,011	< 0,01

Примечание. ARI – аутентичная религиозная (мусульманская) идентичность, EA – экзистенциальная тревога, RE – религиозный экстремизм

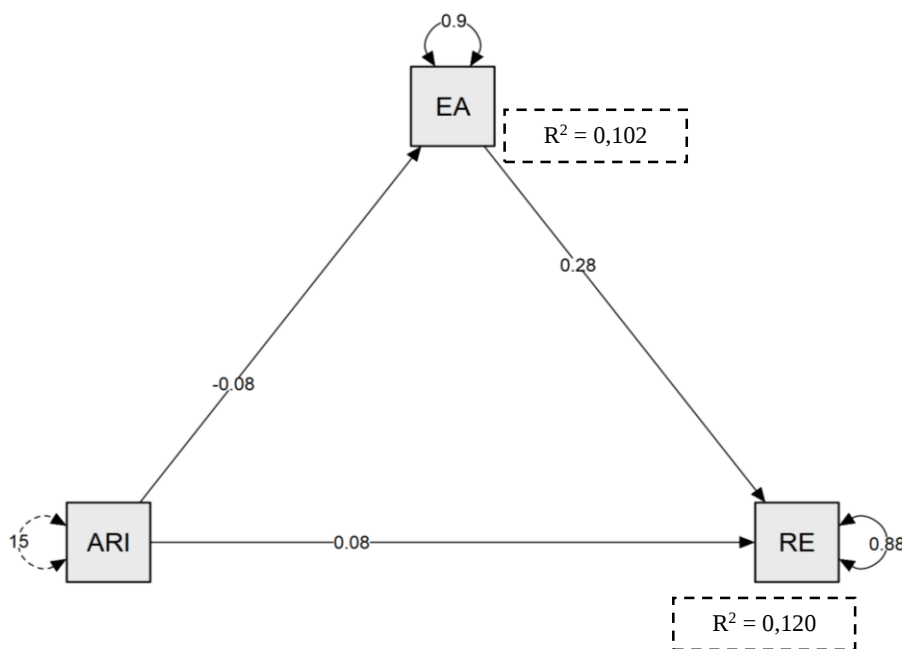

Рис. 1. Модель медиации

На рис. 1 показано, что аутентичная религиозная идентичность имеет отрицательную связь с экзистенциальной тревогой, а экзистенциальная тревожность положительно связана с религиозным экстремизмом.

Результаты:

1. Существует значимая отрицательная связь между аутентичной мусульманской идентичностью и религиозным экстремизмом, если она опосредована экзистенциальной тревогой.

2. Существует значимая положительная корреляция между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и религиозным экстремизмом.

3. Существует значимая отрицательная связь между аутентичной религиозной идентичностью индонезийских мусульман и экзистенциальной тревожностью.

4. Существует значимая положительная связь между экзистенциальной тревожностью и религиозным экстремизмом.

Обсуждение результатов исследования

На основании представленных выше результатов можно предположить, что в эмпирических исследованиях аутентичная религиозная идентичность может быть отделена от религиозного экстремизма при условии включения в исследовательскую модель экзистенциальной тревожности. В социально-практическом смысле можно предположить, что аутентичная религиозная идентичность помогает преодолеть экзистенциальную тревогу и способствует уменьшению риска развития религиозного экстремизма. Этот результат согласуется с теорией, объясняющей, что религиозная идентичность помогает преодолевать экзистенциальную тревогу, поскольку религия предлагает вечное членство в группе, указывает на абсолютную истину и удовлетворяет потребность в принадлежности.

Кроме того, результаты исследования показывают, что низкая экзистенциальная тревожность может профилактировать развитие религиозного экстремизма, тогда как высокая экзистенциальная тревожность, напротив, может повышать риск его развития. Если человек переживает высокий уровень экзистенциальной тревоги, пытается избежать негативных чувств посредством насилия, то высока вероятность того, что это приведет его к нездоровому и деструктивному поведению, в том числе вероятны и экстремистские убеждения (McGregor, 2004; Temple, Gall, 2018). Согласно эмпирическим данным, индонезийские мусульмане имеют высокую аутентичную религиозную идентичность и достаточно низкий уровень экзистенциальной тревоги, так что риск развития религиозного экстремизма невысок. Реальное положение мусульманской общины в Индонезии также подтверждает это предположение.

И все же следует понимать, что и на фоне аутентичной религиозной идентичности может возникнуть риск формирования религиозного экстремизма. Во-первых, по каким-то причинам экзистенциальная тревожность может возрасти. Во-вторых, помимо экзистенциальной тревоги на связь между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом могут влиять и другие психологические факторы.

Сама религиозная идентичность может отчасти прояснить это обстоятельство. Религиозная идентичность – это «групповой ярлык», отличающий человека от индивидов других религий. Отсюда возникает явление внутригруппового фаворитизма – склонность оправдывать свою группу

(Delamater, Myers, Collett, 2018). Другими словами, человек с большей вероятностью будет думать, что другая религия или группа ошибочны или неполноценны, даже если этот человек углубляется в духовный опыт и продолжает пытаться понять универсальную истину через свою религию.

Религиозность связана с тем, как формируется и выражается опыт трансцендентного существа через сообщество или социальную организацию. В то же время духовность больше связана с отношением человека к более широким, трансцендентным реальностям, таким как Бог или Вселенная. Поэтому духовность отличается от религии тем, что религия подразумевает доктрины и институты и является более объективной и внешней, тогда как духовность подразумевает личный опыт и индивидуальные практики, является более субъективной и внутренней. Кроме того, духовность рассматривается и как врожденная способность человека (Piedmont, Ciarrochi, Dy-Liacco, Williams, 2009). B.J. Zinnbauer и соавт. (1997) утверждали в своих исследованиях, что есть люди, которые чувствуют себя спиритуалистами, но не считают себя религиозными. Можно сказать, что религиозность не может быть отделена от институтов, в то время как духовность может (Zinnbauer et al., 1997). При этом и духовность, и религиозность связывают поиск божественности (Pargament, 1997). Тем не менее религиозность не может быть отделена от самой религиозной идентичности, поэтому риск развития экстремистских убеждений неизбежен. Этот феномен согласуется с концепцией, согласно которой религиозный человек всегда будет защищать свою идентичность (Buana, Lukyanov, 2020). Таким образом, даже если человек стремится и начал понимать суть религиозных учений, суть ритуала, пытается понять универсальную истину и испытывать трансцендентальные или духовные чувства, это не значит, что индивид будет свободен от религиозного экстремизма.

Выводы

Настоящее исследование показало, что аутентичная религиозная идентичность помогает преодолеть экзистенциальную тревогу, снижая риск развития религиозного экстремизма. Однако если экзистенциальная тревога не включена в исследовательскую модель, то в опыте корреляция между аутентичной религиозной идентичностью и религиозным экстремизмом имеет положительное значение. Это означает, что некоторый психологический аспект может повлиять на соотношение аутентичности и экстремизма.

Другой аспект – фаворитизм, склонность оправдывать свою группу. Фаворитизм может объяснить, почему аутентичная религиозность не может полностью снять риск развития экстремистских убеждений.

Чтобы избежать недоразумений в эмпирических исследованиях, следует различать феномены духовности и религиозности. Религиозность связана с тем, как опыт трансцендентного существа формируется и выражается через сообщество или социальную организацию. Духовность больше свя-

зана с отношением человека к более масштабным, трансцендентным реальностям, таким как Бог или Вселенная.

Вполне вероятно, что другие модели изучения аутентичной религиозной идентичности позволят выявить и другие факторы риска развития религиозного экстремизма.

Литература

Леонтьев, Д. А. (2003). Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться. *Консультативная психология и психотерапия*, 11(2), 107–119.

Лукьянов, О. В. (2008). *Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений*. Томск: Изд-во Том. ун-та.

Лукьянов, О. В. (2007). Идентичность – элемент транстемпорального мира и фронт экзистенциального опыта. *Сибирский психологический журнал*, 26, 31–35.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 10.08.2021 г.; принята 06.10.2021 г.

Дана Рикса Буана – аспирант кафедры психологии личности, Томский государственный университет; преподаватель (ассистент профессора) кафедры личности и социальной психологии, факультет психологии, Университет Мерчу Буана.

E-mail: dana.riksa@mercubuana.ac.id

Лукьянов Олег Валерьевич – заведующий кафедрой психологии личности, Томский государственный университет, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

For citation: Buana, D. R., Lukyanov, O. V. (2022). Existential Anxiety of Religious Identity and Religious Extremism in Indonesian Muslims. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 85–99. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/5

Existential Anxiety of Religious Identity and Religious Extremism in Indonesian Muslims

D.R. Buana^{1, 2}, O.V. Lukyanov¹

¹ Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

² Mercu Buana University, South Meruya Street, Kembangan, Jakarta, 11650, Indonesia

Abstract

Relevance and object of research. In this modern world, the system of managing large social processes is a foot. A dangerous social trend of the so-called “information society” is identity manipulation, including religious identity. Relevant questions: What distinguishes an authentic religious identity from an extremist one? What qualities of devoutness are necessary and sufficient for understanding devoutness? The article presents the results of a study on religious identity of Indonesian Muslims.

Subject, methods and materials of research. Data was collected from 484 Indonesian Muslims to confirm that existential anxiety plays the role of a mediator variable in the negative correlation between authentic religious identity and religious extremism. The survey was conducted using a google form. Mediation regression analysis was implemented. Three methods were used to collect data: the Authentic Religious Identity Scale, the Existential Anxiety Scale, and the Religious Extremism Scale. When testing the reliability and validity of these

scales, the SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) and JASP (Jeffrey's Amazing Statistics Program) programs were used.

Results. The study found that authentic religious identity is negatively associated with existential anxiety, and existential anxiety was definitely associated with religious extremism. An assumption is that an authentic religious identity makes it possible to overcome existential anxiety, forming a social tendency to reduce the risk of developing religious extremism. If existential anxiety is not included in the research model, then there is a correlation between authentic religious identity and religious extremism. This means that without taking into account existential anxiety it is not possible to distinguish authentic devoutness from an extreme one.

The study shows that authentic devoutness cannot completely eliminate the risk of developing an extremist view. To make this distinction the factor of favoritism was necessary, hence the necessity of empirical studies to include the phenomena between spirituality and devoutness.

Keywords: ingroup favoritism; ritual; truth; spirituality; freedom; everyday life; authenticity

References

- Asir, A. (2014). Agama dan Fungsinya dalam Kehidupan Umat Manusia [Religion and Its Functions in Human Life]. *Al-Ulum Jurnal Pemikiran Dan Penelitian Ke Islamian*, 1(1), 50–58. doi: 10.31102/alulum.1.1.2014.50-58
- Astuti, H. J. P. (2018). Islam Nusantara: Sebuah Argumentasi Beragama Dalam Bingkai Kultural [Islam Nusantara: A Religious Argument in a Cultural Frame]. *Inject (Interdisciplinary Journal of Communication)*, 2(1), 27–52. doi: 10.18326/inject.v2i1.27-52
- Buana, D. R., & Lukyanov, O. V. (2020). Understanding Violent Religious Behavior in Indonesia: From the Concept to the Prevention. *Jurnal Cita Hukum-Indonesian Law Journal*, 8(1), 1–16. doi: 10.15408/jch.v8i1.15003
- Davydov, D., & Khlokov, K. (2017). *Questionnaire for the Diagnosis of Violent Extremism Attitudes*. Retrieved from: <https://ssrn.com/abstract=3069902> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3069902>
- Delamater, J. D., Myers, D. J., & Collett, J. L. (2018). *Social Psychology*. 8th ed. New York: Routledge.
- Good, M. (2011). *Exploring the Development and Psychosocial correlates of Spirituality / Religiosity Across Adolescence*. Brock University.
- Haryanto, H. C. (2017). Apa Manfaat Dari Agama? (Studi Pada Masyarakat Beragama Islam Di Jakarta) [What Are The Benefits Of Religion? (Studies in Muslim Communities in Jakarta)]. *Insight: Jurnal Ilmiah Psikologi*, 18(1), 19–31. doi: 10.26486/psikologi.v18i1.346
- Hogg, M. A., Adelman, J. R., & Blagg, R. D. (2010). Religion in the face of uncertainty: An uncertainty-identity theory account of religiousness. *Personality and Social Psychology Review*, 14(1), 72–83. doi: 10.1177/1088868309349692
- Jackson, R., & Hogg, M. (2010). *Religious Identity*. Encyclopedia of Identity. SAGE Publications, Inc. doi: 10.4135/9781412979306
- Kinnvall, C. (2004). Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security. *Political Psychology*, 25(5), 741–767.
- Langness, D. (2015, September 24). *How to Overcome Religious Prejudice, Tradition and Blind Imitation*. Bahai Teachings. <https://bahaiteachings.org/how-to-overcome-religious-prejudice-tradition-and-blind-imitation/>
- Leontev, D. A. (2003). Ekzistentsial'naya trevoga i kak s ney ne borot'sya [Existential anxiety and how to deal with it]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 11(2), 107–119.
- Lukyanov, O. V. (2008). *Problema stanovleniya identichnosti v epokhu sotsial'nykh izmeneniy* [The problem of identity formation in the era of social change]. Tomsk: Tomsk State University.

- Lukyanov, O. V. (2007). Identichnost' – element transtemporal'nogo mira i front ekzistentsial'nogo opyta [Identity is an element of the transtemporal world and the front of existential experience]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 26, 31–35.
- McGregor, I. (2004). Zeal, Identity, and Meaning: Going to Extremes to Be One Self. In J. Greenberg, S. L. Koole & T. Pyszczynski (Eds.), *Handbook of Experimental Existential Psychology* (pp. 182–199). Washington, DC: Guilford Press.
- Montemaggi, F. E. S. (2017). The authenticity of Christian Evangelicals: between individuality and obedience. *Journal of Contemporary Religion*, 32(2), 253–268. doi: 10.1080/13537903.2017.1298906
- Pargament, K. I. (1997). *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice*. New York: Wiley.
- Peracha, F. N. (2017). Development and Validation of Indigenous Violent Extremism Beliefs Scale (VEBS). *Journal of Psychology and Behavioral Science*, 5(1), 53–62. doi: 10.15640/jpbs.v5n1a7
- Peterson, T. J. (2015, September 24) *Existential Anxiety, Stress, and Meaning-Making in Your Life*. Healthy Place. <https://www.healthyplace.com/blogs/anxiety-schmanxiety/2015/04/existential-anxiety-stress-and-meaning-making-in-your-life>
- Piedmont, R. L., Ciarrochi, J. W., Dy-Liacco, G. S., & Williams, J. E. G. (2009). The empirical and conceptual value of the spiritual transcendence and religious involvement scales for personality research. *Psychology of Religion and Spirituality*, 1(3), 162–179. doi: 10.1037/a0015883
- Ratnasari, D. (2010). Fundamentalisme Islam [Islamic Fundamentalism]. *Komunika: Jurnal Dakwah Dan Komunikasi*, 4(1), 40–57. doi: 10.24090/komunika.v4i1.137
- Temple, M., & Gall, T. L. (2018). Working Through Existential Anxiety Toward Authenticity: A Spiritual Journey of Meaning Making. *Journal of Humanistic Psychology*, 58(2), 168–193. doi: 10.1177/0022167816629968
- van Bruggen, V., ten Klooster, P., Westerhof, G., Vos, J., de Kleine, E., Bohlmeijer, E., & Glas, G. (2017). The Existential Concerns Questionnaire (ECQ)–Development and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical and Clinical Sample. *Journal of Clin. Psychol.*, 73, 1692–1703. doi: 10.1002/jclp.22474
- Verkuyten, M. (2007). Religious Group Identification and Inter-Religious Relations: A study Among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. doi: 10.1177/1368430207078695
- Weems, C. F., Russell, J. D., Neill, E. L., Berman, S. L., & Scott, B. G. (2016). Existential Anxiety Among Adolescents Exposed to Disaster: Linkages Among Level of Exposure, PTSD, and Depression Symptoms. *Journal of Traumatic Stress*, 29(5), 466–473. doi: 10.1002/jts.22128
- Ysseldyk, R., Matheson, K., & Anisman, H. (2010). Religiosity as Identity: Toward an Understanding of Religion from a Social Identity Perspective. *Personality and Social Psychology Review*, 14(1), 60–71. doi: 10.1177/1088868309349693
- Zinnbauer, B. J., Pargament, K.I., Cole, B., Rye, M.S., Butter, E. M., Belavich, T. G., Hipp, K.M., ... & Kadar, J. L. (1997). Religion and Spirituality: Unfuzzifying the Fuzzy. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 36(4), 549–564. doi: 10.2307/1387689

Received 10.08.2021; Accepted 06.10.2021

Dana Riksa Buana – Postgraduate student, Department of Personality Psychology, Tomsk State University; Lecturer (Assistant Professor), Faculty of Psychology, Department of Personality and Social Psychology, Mercu Buana University.

E-mail: dana.riksa@mercubuana.ac.id

Oleg V. Lukyanov – Head of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.). Professor.

E-mail: lukyanov7@gmail.com